

Потапенко С. И.,

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой германской филологии

Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя

ВОССОЗДАНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТЯХ: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье показано, что воссоздание в англоязычных новостях украинского кризиса опирается на силовые предконцептуальные отношения, среди которых важное место занимает принуждение, отражающее способы побуждения противостоящих сторон к разрешению кризиса на локальном, национальном, межнациональном, наднациональном и международном уровнях. Установлено, что используемые при этом языковые средства обозначают четыре вида принуждения: общее, конкретное, коммуникативное и санкционное.

Ключевые слова: английский язык, кризис, принуждение, санкции, тексты новостей.

Постановка проблемы. Рубрики англоязычных новостей Би-Би-Си соотносят украинские события 2014–2015 годов с конфликтом (*conflict*), т.е. состоянием несогласия или спора между людьми, группами, странами («a state of disagreement or argument between people, groups, countries etc» [5, с. 325]), или с кризисом (*crisis*), т.е. ситуацией, отягощенной значительным количеством проблем, требующих разрешения для предотвращения ухудшения состояния дел и избежания опасности («a situation in which there are a lot of problems that must be dealt with quickly so that the situation does not get worse or more dangerous») [5, с. 372]. В приведенных дефинициях семы «argument» и «problem» отражают связь конфликта и кризиса с силовыми отношениями, а сема «dangerous» в определении слова *crisis* акцентирует опасность, дополнительно подчеркивая связь категоризируемого таким образом события с потребностью в безопасности [6, с. 25].

Для реконструкции концептуальной основы кризиса семы из англоязычных дефиниций конфликта и кризиса соотносим с образ-схемами, повторяющимися, динамическими моделями перцептивных взаимодействий и моторных программ, связывающих и структурирующих наш опыт [4, xiv]. Силовые отношения представлены образ-схемами ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ, ПРЕПЯТСТВИЕ, УСТРАНЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ, ПРИТЯЖЕНИЕ, ОТКЛОНЕНИЕ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ и ЛИШЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ [4, с. 45–47]. В определении существительного *conflict* сема «argument» соотносит конфликт с образ-схемой ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ, предконцептуальной структурой, формирующейся под влиянием опыта столкновения двух сил, например автомобилей [4, с. 46]. В определении существительного *crisis* семема «there are a lot of problems» передает нагромождение большого количества проблем, концептуализируемых в терминах сил, на которые указывает сема «cause» в определении субстантива *problem* как ситуации, вызывающей трудности («a situation that causes difficulties») [5, с. 1304]). Поэтому для моделирования кризиса, кроме ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ [2, с. 36], используем другие силовые образ-схемы: ПРИНУЖДЕНИЕ, ПРЕПЯТСТВИЕ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ и ЛИШЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ. Важное место

среди них занимает ПРИНУЖДЕНИЕ, воссоздающее действия, направленные на разрешение конфликта, а поэтому необходимость изучения средств вербализации этого отношения определяет актуальность предлагаемой статьи.

Цель статьи состоит в выделении языковых средств, которые в англоязычных новостях вербализуют принуждения, что предполагает решение следующих задач: установление инвентаря номинативных единиц, обозначающих принуждение как одно из средств разрешения кризиса; дифференциация языковых средств, именуемых источник и цель принуждения; установление особенностей функционирования выделенных единиц в заголовках англоязычных интернет-новостей Би-Би-Си (www.bbc.com/news) об украинских событиях 2014–2015 годов. Поскольку названия интернет-новостей имеют структуру предложения, их рассматриваем как заголовки-высказывания.

Изложение основного материала. Лингвокогнитивная модель воссоздания в англоязычных новостях кризиса опирается на образ-схемы как предконцептуальные структуры, у которых слоты заполняются референтами различного уровня абстракции, обуславливая употребление соответствующих номинативных единиц. Рассматриваемый в этой статье механизм заполнения слотов образ-схем отличается от концептуальной метафоры, согласно которой сфера-источник, связанная с физическим опытом, проецируется на сферу-цель, представляющую более абстрактные отношения [1, с. 26]. Концептуальная метафора отражает лишь один этап заполнения слотов образ-схемы, что демонстрирует перенос СПОР – ЭТО ВОЙНА. При опоре на механизм заполнения слотов образ-схем ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ служит основой для формирования не только концептов войны, диспута, дебатов, спора [3, с. 14], а также битв, атак, полемики. И этот список можно продолжать.

В случае с образ-схемой ПРИНУЖДЕНИЕ, рассматриваемой в этой статье, слоты заполняются референтами, представляющими участников, соотносимых с источником и целью на нескольких уровнях: локальном, отражающем воздействие кризиса на население; национальном, включающем политиков и общественные группы внутри страны; межнациональном, представленном соседними государствами; наднациональном, охватывающем различные страны; глобальном, к которому относим международные организации и их представителей.

На локальном уровне принуждение соотносит с целью принуждения мирное население, страдающее от кризиса, напр., *More than 50,000 displaced by turmoil in Ukraine* – UN (27.06.2014)

Для обозначения вектора принуждения в заголовках англоязычных новостей задействованы две группы единиц: универсальные, включающие *must*, *boost*, *push*, и ситуативные, отражающие специфику деятельности источника, представленную глаголом *send*.

Наиболее универсальным средством изображения принуждения является глагол *must*, представляющий участников кризиса на двух уровнях обобщения: наднациональном и международном. При этом заголовки-высказывания различаются степенью выделенности источника принуждения, что проявляется в его различной акцентированности: абсолютной при его идентификации в начале заголовка; относительной при обозначении в конце заголовка; отсроченной при имплицитии кавычками в заголовке с последующим именованьем в тексте.

Абсолютную акцентированность источника принуждения наблюдаем при обозначении лиц с наиболее высоким статусом: американского президента, напр., *Obama: Russia must pull back troops from Ukraine border* (28.03.2014), и вице-президента, напр., *Ukraine crisis: Biden says Russia must start acting* (22.04.2014). Относительная акцентированность источника встречается при его групповом статусе, напр., *Ukraine crisis: Russia must engage with Kiev, says G7* (5.06.2015), или национальной принадлежности, как в случае с украинским министром, напр., *Ukraine must double defence spending to \$ 3 bn – minister* (12.12.2014). Отсроченное акцентирование источника наблюдаем при обозначении в заголовке глобальных посредников в разрешении кризиса, к которым обращен призыв к действию: Европейского Союза, напр., *Ukraine crisis: EU must act on Russia aggression* (30.08.2014), и ОБСЕ, напр., *Ukraine crisis: OSCE must double ceasefire monitors* (6.03.2015).

Кроме глагола *must*, общие аспекты принуждения представлены на межнациональном уровне словосочетанием *keep pressure on*, напр., *Russia keeps pressure on Ukraine with Crimea stand-off* (4.03.2014). При изображении гипотетических результатов кризиса глагол *push* сочетается с единицами, обозначающими перемирие, напр., *Ukraine conflict: EU leaders to push for new truce* (9.07.2014), хаос, напр., *Ukraine vote could push the country into chaos* (24.10.2014), или достижение мира, напр., *Ukraine crisis: Leaders in new diplomatic push for peace* (5.02.2015). К обобщенным средствам воссоздания принуждения также относим случаи медийной метонимии, когда президент представляет всю страну, напр., *Ukraine conflict: Poroshenko boosts military spending* (24.08.2014), и метафорическую оценку ситуации, напр., *Ukraine crisis: US runs the show in Kiev, says Sergei Lavrov* (23.04.2014).

Изображение специфического принуждения наблюдаем при обозначении конкретных случаев разрешения кризиса, когда глагол *send*, сочетается с единицами, обозначающими оружие, напр., *Pentagon chief inclined to send weapons to Ukraine* (4.02.2015), а также наблюдателей в заголовках различной структуры: канонической, при которой выдвигаются единицы, именующие источник принуждения, напр., *Ukraine crisis: Europe's security body to send monitors* (22.06.2014), и неканонической, когда в начале заголовка именуется цель, напр., *Ukraine crisis: OSCE monitors to be sent to truce violation areas* (3.03.2015).

Единственный случай прекращения принуждения представлен в заголовке, предупреждающем о потере управляемости Украиной, напр., *Ukraine slipping out of control, Germany warns* (29.08.2014).

Коммуникативное принуждение, направленное на решение разворачивающегося кризиса, представлено заголовками-высказываниями с глаголами *tell*, *demand*, *urge*, *order*, *call*, передающими различия в интенсивности принуждения и имплицитными статусом цитируемых источников.

Наименьшую степень интенсивности принуждения передает глагол *tell* со значением приказа («to say that somebody must do something» [5, с. 1706]). Соответственно, он употреблен лишь в одном заголовке-высказывании, отражающем позицию бывшего украинского президента относительно действий западных государств: *Yanukovich tells West to keep out of Ukraine crisis* (19.12.2013).

Высокая степень интенсивности принуждения обозначена глаголом *demand*, имплицитным наличие у источника прав на выдвижение соответствующего требования («to ask for something very firmly, especially because you have a right to do this» [5, с. 416]). Соответственно, в роли источника принуждения выступает руководство России, напр., *Russia demands surrender of Ukraine's Crimea forces* (3.03.2014), и США, напр., *Ukraine crisis: Kerry demands Russia action in hours* (26.06.2014).

Высшую степень коммуникативного принуждения передает глагол *urge* со значением настоятельного предложения («to strongly suggest that someone does something» [5, с. 1823]). При его употреблении источник представлен субъектами, обладающими соответствующими правами. Это два государства – Соединенные Штаты и Россия, что свидетельствует о подчиненной роли Украины в разрешении этого кризиса. Американцы воздействуют на российского президента, призывая его отвести войска, напр., *Ukraine crisis: Obama urges Putin to pull troops back* (2.03.2014), разрешить кризис дипломатическим путем, напр., *Ukraine crisis: Obama urges Putin to pursue diplomacy* (7.03.2014), обуздать сепаратистов, напр., *Ukraine crisis: Obama urges Putin to reign in separatists* (15.04.2014), и содействовать освобождению наблюдателей, напр., *Ukraine crisis: Kerry urges Russia to help free observers* (27.04.2014). В свою очередь, Россия помыкает Украиной, требуя переговоров о статусе восточных территорий, напр., *Putin urges talks on statehood for east Ukraine* (31.08.2014), о прекращении огня, напр., *Ukraine crisis: Russia urges Ukraine ceasefire talks* (1.09.2014), или настаивает на сдаче украинскими войсками населенного пункта на востоке, напр., *Putin urges Ukraine troops to give up Debaltsevo* (17.02.2015). На национальном уровне глагол *urge* передает обращение американских законодателей к своему президенту с призывами предоставить Украине оружие, напр., *Top US lawmakers urge Obama to send weapons to Ukraine* (6.03.2015), и давление массовых шествий на украинское правительство, напр., *Ukraine crisis: Rally in Kiev urges war on eastern rebels* (4.07.2015).

Наивысшую степень принуждения, обусловленную перформативностью соответствующих высказываний, вызывающих изменения определенного состояния дел, передает глагол *order* со значением официального приказа («to tell somebody that they must do something, especially using your official powers of authority» [5, с. 1160]). Перформативность содержания заголовков-высказываний с этим глаголом касается национального уровня, что проявляется в выдвижении единиц, обозначающих государственных лидеров, обладающих правом отдавать приказания, которые, по их мнению, способствуют разрешению кризиса, за исключением одного заголовка-высказывания о наложении американским президентом запрета на торговлю с Крымом, напр., *Ukraine crisis: Obama orders ban on Crimea trade* (20.12.2014). На национальном российском уровне перформативность отражена в приказаниях президента и других руководителей о частичном отводе войск, напр., *Ukraine crisis:*

Putin «orders partial withdrawal» (31.03.2014), проведенні воєнних учень, нап., *Russia orders exercises after Ukraine moves on separatists* (24.04.2014), і о повному отводі озброєних сил, нап., *Ukraine crisis: Putin orders troops back from border* (19.05.2014). На національному українському рівні президент видає наказ о першому односторонньому припиненні вогню, нап., *Ukraine»s Poroshenko «to order unilateral ceasefire»* (18.06.2014), об відправці військ в ключові міста, нап., *Ukraine crisis: Poroshenko orders troops to key cities* (4.11.2014), і о повторному припиненні вогню, нап., *Ukraine crisis: President Poroshenko orders ceasefire* (15.02.2015).

Різну ступінь примусу передає дієслово *call* і його фразові деривати. Найменш інтенсивне примусування, близьке до семантики дієслова *tell*, відображається одиницею *call for*, вводящою заклик до продовження протестів, нап., *Ukraine ex-PM Tymoshenko calls for protests to continue* (23.02.2014), або припинення вогню, нап., *Donetsk rebels call for ceasefire* (9.08.2014). Велику ступінь примусування передає фразовий дієслово *call up*, повідомляючий про заклик до армії резервістів, нап., *Ukraine calls up reservists after deployment* (2.03.2014). Найбільш інтенсивне примусування позначено дієсловом *call* з значенням прохання або наказу («to ask or order someone» [5, с. 209]), при повідомленні про оголошення українським президентом парламентських виборів: *Ukraine crisis: President calls snap vote amid fighting* (25.08.2014).

Найбільш сильний варіант наднаціонального примусування, направлено на розв'язання кризи, представлений санкціями. Предконцептуальна структура цього поняття ґрунтується на трьох образ-схемах, присутніх в визначенні англійського слова *sanction*, визначеного як офіційне наказування або припинення торгівлі, змушувачі лідерів до політичних змін («official orders or stopping trade etc as a way of forcing its leaders to make political changes» [5, 1454]). Згідно з наведеним визначенням поняття санкцій структуроване трьома образ-схемами: ПРИМУСУВАННЯ, позначене семами «order» і «forcing»; ПЕРЕПЯТСТВО, позначене семами «stopping»; ОБЕСПЕЧЕННЯ ВОЗМОЖНОСТІ, представлено семами «make».

З цих трьох силових відносин в структурі канонічних заголовків-висказувань спостерігаємо лише ПРИМУСУВАННЯ, що відображено в послідовному позначенні його джерела, вектора і мети.

Заголовки-висказування передають заклик до введення санкцій, нап., *Ukraine crisis: EU sanctions push over Kiev bloodshed* (19.02.2014), або їх накладення, позначено дієсловами *impose*, нап., *Ukraine crisis: EU and US impose sanctions over Crimea* (17.03.2014), *hit*, нап., *Ukraine crisis: New EU sanctions hit Russia on Friday* (11.09.2014), і *target*, нап., *New US sanctions target Russian officials and companies* (28.04.2014). Примітно, що більшість заголовків-висказувань присвячені не стільки накладенню санкцій, скільки їх посиленню, яке передається прилагательним *new*, використаним в двох прикладах, наведених вище, а також одиницями силової або кількісної семантики. Силовою елементом відображено дієсловами *boost*, нап., *Ukraine crisis: US and EU boost sanction on Russia* (16.07.2014), *intensify*, нап., *Ukraine crisis: G7 «to intensify Russia sanctions»* (26.04.2014), *step up*, нап., *Ukraine crisis: US steps up sanctions on separatists* (21.06.2014),

strengthen, нап., *Ukraine crisis: US strengthens sanctions on Russia* (12.09.2014), *tighten*, нап., *EU set to tighten Russia sanctions «within a week»* (31.08.2014), іменником *push*, нап., *Ukraine crisis: EU sanctions push over Kiev bloodshed* (19.02.2014). Їм протиставлено дієслово *weaken*, позначуюче послаблення санкцій, нап., *EU sanctions weaken anti-terror efforts – Russia* (16.07.2014).

Кількісний параметр посилення санкцій передається нареччям *more*, нап., *US imposes more sanctions on Russia* (20.03.2014), дієсловом *widen*, який характеризує дію Сполучених Штатів, нап., *US widens sanctions against Russia* (16.07.2014), і Європейського Союзу, нап., *EU widens Russia sanctions to target economy* (29.07.2014).

Наслідки санкцій передаються одиницями з силовою і циклічною значеннями. Силова семантика відображена дієсловами *backfire*, нап., *Ukraine conflict: Putin says sanctions will backfire* (17.07.2014), *undermine*, нап., *G20 summit: Russia sanctions «undermine trade» – Putin* (14.11.2014), і *go*, нап., *How far do EU-US sanctions on Russia go?* (22.07.2014). Циклічна семантика, заснована на образ-схемі ЦИКЛ, передається дієсловом *react*, нап., *Russia «will react» to EU sanctions* (5.09.2014), і прилагательним *retaliatory*, нап., *Ukraine crisis: Putin orders retaliatory sanctions* (6.08.2014).

Примітно, що домінуюче число заголовків-висказувань має канонічну структуру, т.е. іменують джерело введення санкцій, а потім мету. Відокремлені неканонічні заголовки акцентують мету санкційного примусування, іменуючи державу в цілому, нап., *Ukraine crisis: Russia faces fresh sanction over Crimea* (20.03.2014), або його офіційних представників, нап., *Ukraine crisis: Russian officials targeted by sanctions* (29.04.2014).

Висновки. Таким чином, примусування як аспект новостного відтворення кризи реалізується через представлення джерела, мети і вектора на локальному, національному, міжнародному, наднаціональному і міжнародному рівнях, що проявляється в використанні відповідних номінативних одиниць. Задіявані види примусування діляться на загальні, специфічні, конкретні, комунікативні і санкційні, визначає вибір відповідних предикативних одиниць. Перспектива подальшого дослідження складається в встановленні ролі інших базових відносин в відтворенні кризи.

Література:

1. Лакофф Дж. Метафори, якими ми живемо / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Потапенко С.І. Чому війна – це не війна: як українські події збагачують когнітивну лінгвістику / С.І. Потапенко // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка. Серія Філологічні науки. – 2016. – Вип. 146. – С. 36–40.
3. Dancyger B. *Figurative Language* / Barbara Dancyger, Eve Sweetser. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 242 p.
4. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason* / M. Johnson. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 233 p.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Longman, 2003. – 1948 p.
6. Maslow A. *Motivation and Personality* / A. Maslow. – N.Y., etc: Harper & Row Publishers, 1970. – 368 p.

Потапенко С. І. Відтворення української кризи в англomовних новинах: вербалізація примусу

Анотація. У статті показано, що відтворення в англomовних новинах української кризи спирається на силові доконцептуальні відношення, серед яких важливе місце посідає примус, який відбиває способи стимулювання сторін до розв'язання кризи на локальному, національному, міжнаціональному, наднаціональному та міжнародному рівнях. Виявлено, що використані при цьому мовні засоби відбивають чотири різновиди примусу: загальний, конкретний, комунікативний і санкційний.

Ключові слова: англійська мова, криза, примус, санкції, тексти новин.

Potapenko S. Reconstruction of Ukrainian crisis in English news stories: verbalizing compulsion

Summary. The article reveals that the reconstruction of Ukrainian crisis in English news stories rests on the preconceptual gestalts for force with compulsion occupying a salient place among them since it reflects the stimulation of opposing sides to resolving the crisis at the local, national, cross-national, supernational and international levels. It is found that the use of the linguistic units reflects four types of compulsion: general, concrete, communicative and sanctional.

Key words: English language, crisis, compulsion, sanctions, news stories.